

— Что говорят главы остальных сект?

Лицо Тань Сивэня посуровело, и он снова вздохнул:

— Эти секты и прежде не ладили друг с другом, а после такого случая, само собой, начали вовсю обвинять друг друга...

Он не успел договорить, как в зал стремглав вбежал ученик Нищенствующей Секты:

— Глава! Главы четырех мечевых сект снова затеяли ссору!

Тань Сивэнь испуганно вздрогнул и бросился наружу. Лань Чжуй и Наньгун Цзочэнь последовали за ним во внутренний двор, где издалека уже был слышен яростный рев, достигавший небес. Главный зал был битком набит людьми: помимо представителей четырех мечевых сект, там собралось немало странствующих рыцарей со всего Цзянху. В сложившейся ситуации никто не решался высказать свое мнение, предпочитая отсиживаться в стороне.

— Хватит спорить! — попытался усовестить их Тань Сивэнь, но, не добившись успеха, рявкнул во всю мочь. Увидев, что этот всегда отличавшийся мягким нравом будущий лидер союза вышел из себя, все послушно умолкли.

— Вчерашнее происшествие требует самого тщательного обсуждения. Цель наших врагов предельно проста — посеять раздор и заставить нас перебить друг друга. Все вы — признанные мастера своих направлений, так не попадайтесь же на их удочку.

Кто-то в толпе поддержал его:

— Быть может, это предзнаменование возвращения Культа Дем?

Другой тут же возразил:

— Мелкой шпане из Цзянху нет до этого дела, а Культ Линьинь сгинул после того пожара в Лесу Священного Древа. К тому же они издавна противостоят нашему праведному пути, зачем им устраивать подобные штучки?

Главе секты Пяти Великих Гор исполнилось сорок, но волосы его уже поседели. Лишенный всякой улыбки суровый лиг выражал непреклонное величие. Услышав эти слова, он холодно фыркнул:

— Демониэцы вечно любят устраивать такие дешевые фокусы. К тому же, много ли в нынешнем Цзянху найдется сект, чьи члены осмелятся заявить о своей кристальной честности и полном отсутствии тайных замыслов?

— Что вы хотите этим сказать? Намекаете, что мы в сговоре с Культ Дем? — Глава Секты Хуашань грохнул кулаком по столу и вскочил на ноги.

Глава Куньлуня холодно улыбнулся:

— Как говорится, знатым людям свойственно забывать былое. Неужели ваш покорный слуга забыл, что некоторые здесь погибли именно от меча секты Пяти Великих Гор?

От этих слов лицо главы Пяти Великих Гор посинело, но найти возражений он не смог.

Тань Сивэнь торопливо вмешался:

— Господа, подумайте хорошенько: могла ли техника владения мечом вашей собственной секты утек на сторону?

— Да как такое возможно! — фыркнул глава Секты Хуашань. — Даже если бы и могла, вряд ли кто-то смог тайком выучить стили всех четырех сект сразу!

Лань Чжуй вдруг непринужденно обронил:

— Разве что у этого человека выдающиеся способности к постижению и феноменальная память — схватывает всё с первого взгляда.

— Изучить любое увиденное боевое искусство, не пропустив ни единого движения? — Тань Сивэнь покачал головой. — Подобных гениев боевых искусств земля еще не рожала.

— Я так, к слову пришлось, — Лань Чжуй тоже покачал головой, вспомнив встреченного у подножия горы Гун Цюйчэня, и тихо вздохнул: — Пожалуй, Культ Дем и впрямь собирается вернуться. Тут же подал голос Наньгун Цзочэнь:

— Мы с господином Ланем своими глазами видели левого стража Культа Линьинь у подножия горы.

Лань Чжуй удивленно посмотрел на него.

— Ты еще кто такой? — поинтересовался кто-то. — Я Наньгун Цзочэнь, приветствую всех старших наставников.

— И надо же, три великих клана, издавна стоявших в стороне от дел Цзянху, тоже решили вернуться в Чжуньюань. Наньгун Цзочэнь озадаченно посмотрел на главу Куньлуня и с недоумением спросил:

— Старший наставник, что вы имеете в виду?

— Четыре года назад, после жестокой битвы на горе Циюнь с Культom Дем, три великих клана потерпели сокрушительное поражение и ушли на север, обосновавшись на островах, после чего больше не ступали на земли Чжунъюань. И вот теперь потомки трех семей одна за другой прославились в Цзянху — того и гляди, захотят смыть былой позор. Ха-ха-ха! Наньгун Цзочэнь опустил взгляд и умолк. Сражение на горе Циюнь четырехлетней давности было величайшим позором для трех кланов. Лань Чжуй тогда в одночасье прославился, в то время как три семьи стали посмешищем для всего Цзянху, а все их прежние заслуги были погребены под толщей лет на вершине горы Циюнь вместе с той кровавой бойней.

Заметив, что атмосфера накалилась до предела, Тань Сивэнь поспешил сгладить углы:

— Раз уж вы оба собственными глазами видели людей из Культа Дем, значит, слухи о возвращении Культа Линьинь суцая правда. Я немедленно отправлю учеников секты прочесать город и разузнать, не шляется ли тут кто-нибудь подозрительный. Всем остальным тоже следует проявлять бдительность, чтобы не стать жертвой козней демониэцев. Толпа в переднем зале постепенно рассеялась, а Лань Чжуя и Наньгун Цзочэня проводили в комнаты для гостей. Из-за злорадной насмешки главы Куньлуня Наньгун Цзочэнь ходил мрачнее тучи. Лань Чжуй молчал добрую половину дня, но в конце концов не выдержал и спросил:

— С чего ты взял, что вчерашний человек — это левый страж Культа Дем? — Я слышал, что он любит носить красное, — Наньгун Цзочэнь сидел за столом, подперев подбородок рукой, и упорно сверлил собеседника взглядом. — Похоже, ты вовсе не хотел, чтобы кто-то узнал о появлении людей из Культа Линьинь на Северном Пике. Почему?

Лань Чжуй покачал головой:

— Раз он оказался здесь случайно, к чему лишние хлопоты? — Какое у тебя мягкое сердце, — холодно фыркнул Наньгун Цзочэнь. — Он из Культа Дем. Праведность и демонический путь несовместимы, им суждено сражаться насмерть.

Лань Чжуй опустил голову и ничего не ответил. Разве можно в двух словах распутать клубок правых и виноватых? У каждого в сердце уже давно сложилось свое мнение, и чужие слова до них почти никогда не доходят.

Однако эта ночь выдалась беспокойной.

На исходе третьей стражи ученики Нищенствующей Секты перехватили на горной тропе поднимавшегося наверх Гун Цюйчэня.

Лань Чжуй к тому времени уже крепко спал, но его разбудил шум за окном. Поднявшись, он вышел во внутренний двор и увидел, что тот битком набит народом, а по периметру расставлены жаровни с углями, озарявшие непроглядную тьму тусклым желтоватым светом.

Протиснувшись сквозь ряды зевак, Лань Чжуй разглядел человека, привязанного к столбу. Тот свесил голову, лица было не разобрать; алые одежды заляпаны пылью и грязью, а со всех ран сочилась кровь.

Стоявший перед ним дородный амбал уже сбросил верхнюю одежду, и свет пламени играл на его потном теле. Подняв правую руку, он взмахнул черным до блеска хлыстом, чей резкий щелчок расколол ночную тишину:

— Говоришь или нет?!

Сердце Лань Чжуй ёкнуло. Сделав резкий рывок вперед, он перехватил занесенный хлыст рукой и посмотрел на бесстрастного Тань Сивэня:

— К чему устраивать самосуд?

— Братья поймали его в горах: он подозрительно крался наверх, и лишь с большим трудом, загнавши в ловушку, удалось его сцапать. Кто бы знал, что у него язык окажется таким крепким! Как ни бей, что ни спрашивай — ни слова о том, где прячется Фан Юньсюань, ни зачем сюда лез.

Лань Чжуй обернулся к пленнику, чья голова по-прежнему безжизненно висела: судя по всему, тот уже потерял сознание. Вокруг правой щиколотки красовалась глубокая рана, обнажавшая кость — видимо, его угодил стальной капкан на зверей. Кровь залила всю землю, и если не оказать помощь немедленно, бедняга мог лишиться ноги.

Вывав хлыст из рук амбала, Лань Чжуй швырнул его на землю и произнес:

— Какими бы ни были наши пути, он в первую очередь человек. Чем то, что вы творите здесь, отличается от тех еретических сект, которые вы так ненавидите?

— К чему вы клоните, господин Лань? — Тань Сивэнь помрачнел. — В прошлый раз в Крепости семьи Фан вы отпустили Фан Юньсюаня, а теперь снова попрекаете нас. Уж не решили ли вы предать праведный путь?

То, что Лань Чжуй отпустил Фан Юньсюаня в прошлый раз, так или иначе заронило зерно недовольства в сердцах адептов боевых искусств. Услышав, как Тань Сивэнь озвучил то, что у всех было на уме, окружающие тут же дружно зашумели в знак согласия.

Лань Чжуй подошел к столбу, развязал путы на теле Гун Цюйчэня и взвалил его себе на плечо. Толпа сомкнула ряды — конечно же, никто не собирался позволять ему забрать пленника.

— Господин Лань, советую хорошенько всё обдумать. Спасая этого слугу демонов сегодня, вы встаете в один ряд с Культом Линъинь. Впредь при встрече в Цзянху мы церемониться не

станем.

Придерживая Гун Цюйчэня одной рукой и зажав в другой Клинок Разрывающего Пустоту, Лань Чжуй преградил путь толпе и произнес сурово:

— Если мои сегодняшние действия пришлись кому-то не по нраву, можете в любой день явиться ко мне за расплатой. Сейчас я хочу лишь спасти ему жизнь — прошу меня извинить!

Неизвестно, кто именно первый сорвался с места, но следом раздалось лязганье множества обнажаемых клинков, и люди бросились в бой.

Лань Чжуй не стал обнажать свой клинок — чувство справедливости не позволяло ему даже помыслить о том, чтобы поднять оружие на адептов праведных сект. Ноша на плече была тяжелой: сражаться с толпой врагов, таща на себе живого человека — дело крайне изнурительное. К счастью, его легкость в передвижении мало кто во всем Цзянху мог превзойти, так что без особых усилий он оставил преследователей далеко позади. Оглушительные проклятия неслись вслед, а Наньгун Цзочэнь по-прежнему тихо стоял за деревом, холодно наблюдая за происходящим.

Уведя Гун Цюйчэня с горы, Лань Чжуй ускользнул от патрульных Нищенствующей Секты, раздобыл внизу лошадь и помчался прочь из городка Бэйюэ.

Проскакав неведь сколько и убедившись, что погони больше нет, он наконец остановился в какой-то роще.

Устроив спутника под деревом, Лань Чжуй достал припасенное целебное средство и принялся обрабатывать раны. Кровь на лодыжке уже запеклась, и при соприкосновении с порошком Гун Цюйчэнь слегка вздрогнул. Лань Чжуй поднял глаза: тот уже пришел в себя. Брови были сдвинуты, пот градом катился по лицу, но он крепко закусил губу, не издав ни звука.

— Потерпи немного, — произнес Лань Чжуй и слегка надавил на рану. От боли Гун Цюйчэнь вцепился пальцами в траву.

— К счастью, кости и сухожилия не задеты, — Лань Чжуй оторвал лоскут от собственной одежды и аккуратно перевязал ногу. Затем он перевернулся и опустился на землю под соседним деревом, прикрыв глаза. — Отдохни еще немного, сегодня ночью они нас уже не догонят.

— Зачем ты это сделал? — голос Гун Цюйчэня был еле слышен — холодный, безжизненный, лишенный всяких эмоций.

Лань Чжуй хранил молчание. По правде говоря, он и сам не знал ответа. И правда, неужели им двигало лишь простое сострадание... или желание лишить Фан Юньсюаня повода для

ненависти? Он холодно усмехнулся, с досадой презирая самого себя. Все эти высокопарные оправдания — на самом деле он поступал так исключительно ради себя самого.

Мгновение спустя Гун Цюйчэнь вновь подал голос:

— Почему ты ни о чем меня не расспрашиваешь?

— Если не хочешь говорить, никто тебя не заставит, — Лань Чжуй открыл глаза и окинул взглядом его покрытое ранами тело. — Или тебе просто нравится, когда тебя хлещут кнутом?

— Тьфу! Если бы не этот проклятый волчий капкан, угодивший мне в ногу, разве эти черепашьи внуки смогли бы меня поймать!

Лань Чжуй снова смежил веки:

— Нечего было полуночничать и крадучись лезть в гору — тогда бы и не угодил в эту дрянь.

Гун Цюйчэнь вдруг посерьезнел:

— Я поднимался на гору ради лекарства Бессмертного с Восточного Острова.

— Какого еще лекарства?

Помедлив секунду, Гун Цюйчэнь ответил:

— Помнишь ту пилюлю, что способна поднять уровень внутренней энергии, которую похитили у Эскортного агентства Ци Юань? Сяояо проглотил ее, но его тело не справилось с мощностью препарата. Теперь каждые полмесяца яд дает о себе знать, и мы понятия не имеем, что это за отравка и чем ее нейтрализовать. В прошлый месяц до меня дошли слухи, что Бессмертный с Восточного Острова, вечно странствующий по свету, тоже прибудет на Собрание Героев в Бэйюэ, вот я и решил попытать счастья. Раз он осмеливается называть себя Царем Лекарств, наверняка для него нет неразрешимых ядров.

Лань Чжуй не сразу нашелся что ответить, лишь бездумно повторил шепотом:

— Он... отравлен...

Гун Цюйчэнь свирепо зыркнул на него:

— Перестань делать такое лицо, будто у тебя жена умерла!

В этот момент Лань Чжуй неожиданно бросился вперед и вцепился ему в плечи:

— Где он сейчас?

— Убирайся! — Гун Цюйчэнь с силой оттолкнул его и рявкнул: — Говорю тебе: я поднимался на гору вовсе не для того, чтобы ты шел к нему, а чтобы ты отыскал мне этого Царя Лекарств. Я не позволю тебе соваться к нему, забудь о том, чтобы приближаться к нему!

От толчка Лань Чжуй рухнул на землю и возмущенно бросил:

— Да Бессмертный с Восточного Острова вообще не приезжал в Бэйюэ!

Гун Цюйчэнь опустил голову. Лицо его помрачнело, а голос чуть дрожал:

— Его приступы... случаются все чаще и чаще. Я целыми днями дрожу от страха, боясь, что в один прекрасный день он... он вдруг уйдет навсегда. И какой тогда будет смысл в моей одинокой жизни?..

Лань Чжуй ошеломленно смотрел на сидящего перед ним юношу, внезапно осознав всю свою ничтожность.

Тринадцатый ван Династии Янь с самого рождения не знал нужды ни в еде, ни в одежде, никогда не томился от невозможности получить желаемое. С молодых ногтей стоило ему лишь чуть дольше задержать взгляд на какой-вещице, как ее тут же подносили на блюдечке. И до самой встречи с Фан Юньсюанем он знать не знал горечи поражений.

В отличие от старшего брата, одержимого великими амбициями, способного ради укрепления трона собственными руками отправить любимого человека на границу; в отличие от Гун Цюйчэня, готового ради дорогого сердцу человека идти в пасть к тигру, несмотря ни на какие опасности, он, Лань Чжуй, с самого первого дня знакомства с Фан Юньсюанем умел лишь требовать, так ничего ему и не дав взамен.

Он смотрел, как Гун Цюйчэнь обхватил колени руками, сжавшись в комок и спрятав лицо между ног. Тот ведь тоже был по сути всего лишь ребенком... ребенком, способным на безумства ради того, кого любит.

Странствовать по дорогам Цзянху бок о бок с Гун Цюйчэнем было тем, о чем Лань Чжуй даже в самых смелых снах не мог помыслить. Равно как и оказаться во врагах у всего праведного мира.

Покинув Бэйюэ, Лань Чжуй предложил попытать удачи в Цзяннани — любители красот природы всегда тянутся к живописным местам. Гун Цюйчэнь не возражал: во-первых, его не до конца зажившая нога сильно затрудняла передвижение, а во-вторых, присутствие Лань Чжуй избавляло его от бесчисленных преследователей из белых сект.

Лань Чжуй больше не заикался о местонахождении Фан Юньсюаня, полностью сосредоточившись на поисках следов Бессмертного с Восточного Острова.

Прошло полмесяца, а о местонахождении Царя Лекарств по-прежнему не было ни слуху ни духу, зато желающих преградить им путь и покончить с ними адептов праведных дорог становилось всё больше.

— Лань всего-навсего спас этому человеку жизнь, но вы преисполнены такой лютой ненависти — наверняка тут кроется что-то еще. Будьте любезны просветить меня, чтобы Лань, умерев, хотя бы не стал блуждающим духом, не знающим за что пострадал, — с головной болью глядя на нескольких мастеров боевых искусств, произнес Лань Чжуй. Последние полмесяца он фактически превратился в главного врага всех именитых сект, и каждый встречный на пути непременно обнажал против него меч.

— По фамилии Лань, лицемерный негодяй, ты еще смеешь прикидываться дурачком! — выругался главарь шайки. — Глава Секты Хуашань пал от твоей ядовитой руки! Если мы не покончим с тобой, как смотреть в глаза нашим товарищам по праведному пути?!

— Я убил его? — Лань Чжуй в недоумении переглянулся с Гун Цюйчэнем. — Когда это я успел его убить?

— Ах ты трус, который не смеет ответить за свои поступки! Получай меч!

Нападавшие действовали решительно, их приемы отличались свирепостью и точностью.

Защищая Гун Цюйчэня спиной, Лань Чжуй отражал удары клинком, но на душе у него бушевала буря. Все эти дни, скрепляя оружие с противниками, он ни разу не обнажил клинок так, чтобы нанести кому-то рану, да и главы Секты Хуашань в глаза не видел — с чего бы ему убивать его?

— Лань клянется, что не совершал этого!

Гнев в голосе противника только усилился:

— В ту ночь, когда ты увел этого демониэца, глава Хуашань первым бросился в погоню! На следующий день в роще за пределами города Бэйюэ нашли его тело и тела нескольких хуашаньских учеников. И следы битвы на земле, и раны от клинков на их телах оставлены твоим Клинком Разрывающего Пустоту, а ты еще смеешь отпираться!

В потрясении Лань Чжуй на миг позабыл, что продолжает бой, и поплатился за рассеянность — лезвие полоснуло его по запястью. Алая фигура стремительно вклинилась в схватку. Серебряная флейта в ее руке звонко отразила яростный выпад противника.

Раны Гун Цюйчэня еще не затянулись, и резкое движение неизбежно отозвалось болью, заставив его скривиться:

— Ты чего застыл!

Лань Чжуй молниеносным скачком заслонил его собой, подхватив под руку:

— Ты как?

В этот момент сверху рухнула огромная черная тень, в лунном свете до боли напоминавшая исполинскую летучую мышь. Раздалось несколько пронзительных визгов, и по телам нападавших мастеров в мгновение ока рассыпались мерзкие личинки, вызывающие жуткое отвращение. Кто-то первый издал вопль и с размаху сиганул в реку, а остальные, увидев это, последовали его примеру.

Глядя, как те барахтаются в воде, комично пытаясь смахнуть с себя червей, Гун Цюйчэнь разразился звонким смехом:

— Бэй Су, а ты всё такой же проказник.

Черная фигура бесшумно приземлилась на землю, неторопливо подошла к Гун Цюйчэню и с победным видом фыркнула на барахтающихся в воде людей, презрительно скривив нос.

Только теперь Лань Чжуй заметил, что перед ним подросток лет шестнадцати-семнадцати с правильными чертами лица, укутанный в широкий черный плащ.

Гун Цюйчэнь спросил:

— Раз уж ты явился сюда, остальные тоже добрались до Чжунъюаня?

Паренек склонил голову набок, его лицо не выражало ни единой эмоции, а хриплый голос совсем не подходил по возрасту:

— Все уже в пути. Верховная жрица велела передать: стоит главе отдать приказ, как мы тотчас вымоем кровью весь цзянху Чжунъюаня!

Гун Цюйчэнь удовлетворенно кивнул:

— Я понял, можешь идти.

Мальчишка слегка поклонился ему, взмыл в воздух и в мгновение ока растворился во тьме — скорость перемещения была столь невероятной, что Лань Чжуй невольно цокнул языком от изумления.

— Кто он?

— Уроженец Западных Регионов.

Поразмыслив немного, Лань Чжуй уточнил:

— Какое отношение Западные Регионы имеют к Культуре Линъинь?

— Мать Сяояо — святая дева Западных Регионов, так что он там полноправный хозяин.

Бросив взгляд на барахтавшуюся в реке парочку, Гун Цюйчэнь скучающе развернулся:

— Идем, поищем постоянный двор в городе.

Лань Чжуй последовал за ним, не унимаясь:

— Что значит «вымыть кровью Чжунъюань»?

— У Сяояо нет подобных амбиций. Он просто хочет восстановить справедливость ради своих родителей, — паренек внезапно обернулся и в упор уставился на шедшего сзади мужчину, который был много выше его ростом. — Как только всё закончится, он вернется со мной на Западные Регионы и больше никогда не ступит на землю Чжунъюаня. Он сам так сказал!

Алый силуэт казался вобравшим в себя весь лунный свет — ослепительный настолько, что на него было больно смотреть.

Лань Чжуй поймал себя на мысли, что восхищается им: произнося эти слова, тот неизменно лучился непоколебимой уверенностью.

Небо было затянуто серым, словно присыпанное пеплом. В эту пору года погода вечно капризна.

Маленький послушник с метлой в руке поднял глаза к небу и тяжело вздохнул.

У подножия сотен каменных ступеней неторопливо поднималась темная фигура. Мальчик замер от неожиданности, тупо глядя на приближающегося гостя.

Последние месяцы в Цзянху было беспокойно. Несколько месяцев назад в обитель прибыла важная персона, и настоятель, дабы оградить гостя от докучливых визитеров, отдал приказ закрыть ворота и прекратить прием любых паломников.

Уже давным-давно никто не поднимался на гору.

Посетитель остановился прямо перед ним. На его привлекательном лице играла легкая улыбка, а голос звучал мягко:

— Не будешь ли столь любезен доложить о моем визите внутри? Фан Юньсюань пришел с почтением.

Маленький послушник с удрученным видом покачал головой:

— Настоятель отдал приказ никого не принимать.

— Вот как? — Фан Юньсюань легко улыбнулся, мягко отодвинув мальчика в сторону. Посмотрев на массивные алые лакированные ворота, его взгляд внезапно потемнел, и в голосе прорезалась непреклонность: — Что ж, не страшно. Я ведь и не за ним пришел.

Послушник широко раскрыл глаза, изумленно уставившись на мужчину. Тот затаил дыхание, концентрируя ци, и мощная волна энергии окружила его тело со всех сторон, взметнув опавшую листву в воздух. В мгновение ока он выбросил вперед ладонь.

Раздался оглушительный грохот: высеченные на тяжелой каменной плитовине три иероглифа Монастырь Шаолинь разлетелись вдребезги, осыпавшись градом каменной пыли.

Маленький послушник в ужасе заорал, швырнул метлу и бросился к куче осыпшихся обломков посреди поднявшегося облака пыли, совершенно не соображая, что ему делать.

Алые ворота распахнулись изнутри, и оттуда один за другим хлынули монахи в серых рясах. Сжимая в руках боевые посохи, они выстроились перед непрошеным гостем в боевой порядок.

— Амиабха! Обитель давно ждала столь высокого гостя, — настоятель Дэюань, сложив ладони перед грудью, неторопливо вышел из-за ворот — невозмутимый и абсолютно спокойный.

Фан Юньсюань небрежно сложил руки в приветственном жесте:

— Раз уж мастер укрывает в стенах обители моего кровного врага, мне поневоле пришлось явиться самому. Дабы избежать лишнего кровопролития, прошу вас выпустить его.

— Мастер Фан уже отринул мирскую суету и всецело предал себя учению Будды. Надеюсь, вы проявите милосердие и не станете больше сеять смуту!

<http://bllate.org/book/21134/2143999>